

Как бы по разному не воспринимались читателем слова «зинзивер» (звукоподражательное, сочетающееся со словом «озари»), «лебедиво» (смешение слов лебедь и диво) или «пыхот» (представляющее собой слияние слов «пыхтеть» и «грохот»), они являются более или менее удачной попыткой (это зависит от степени сенситивной адекватности воспринимающего) выйти за границы нормативно-реальной действительности. Другое дело, насколько соответствует образ, инициируемый в воображении читателя новым словом, с тем, который близок самому автору. Другими словами, неологизм имеет тем большую вероятность закрепиться в речевой практике, чем глубже понимание его со стороны реципиента. И, наконец, учитывая подчинительную связь мышления и вербального механизма, можно предположить, что появление всякого неологизма обусловлено существованием некоего смысла, т. е. смысл существует изначально до появления слова, а последнее рождается как результат осознания говорящим указанного смысла, осознания необходимости его вербального выражения.

УДК 808.2

ЛИТЕРАТУРА:

1. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. – М.: URSS, 2005. – 260 с.
2. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 159 с.
3. Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество. Исследование по семиотике, психолингвистике, поэтике: Избранные произведения / Н.И. Жинкин. – М.: Лабиринт, 1998. – 364 с.
4. Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А. Семиотика, или Азбука общения. М.: Изд-во Флинта, Наука, 2006 – 320 с.
5. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 160 с.
6. Мурашов А.А. Личность и речь: Эпоха кризисов. Воронеж: МОДЭК, 2005. – 317 с.
7. Пинкер Стивен. Язык как инстинкт. Пер. с англ. В. Д. Мазо. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.
8. Ушакова Т.Н. Речь: истоки и принципы развития – М.: ПЕР СЭ, 2004. – 256 с.
9. Хармс Д. Малое собрание сочинений. – СПб.: Азбука классика, 2005. – 864 с.
10. Хлебников Велимир. Творения. – М.: Сов. писатель, 1987. – 736 с.
11. Шендерович В. Антология сатиры и юмора России XX века. М.: Эксмо, 2000. – 608 с.

Кудинова Т. А.

Ростовский государственный
строительный университет

СУБСТАНДАРТ В ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ*

Аннотация. В статье рассматривается анекдот как жанр современной городской речи, анализируются новые языковые факты и исследуются функции субстандартных единиц. Показано, что субстандартная лексика играет важную (иногда ведущую, текстообразующую) роль в юмористическом дискурсе вообще и в дискурсе современного анекдота в частности.

Ключевые слова: юмор, анекдот, субстандарт, жаргон, прагматика.

T. Kudinova

SUBSTANDARD IN HUMOROUS DISCOURSE

Abstract. In the article anecdote is revealed as the genre of the contemporary city speech, the new language facts are analyzed and the functions of substandard units are investigated. The substandard

vocabulary plays a very important (often leading, text forming) function in the humorous discourse in general and in the discourse of the contemporary anecdote in particular.

Key words: humor, anecdote, substandard, jargon, pragmatics.

Современная филология демократична: ее интересуют не только «привилегированные» тексты, но и такие жанры, как анекдот. В юмористических жанрах недопустимое пять лет назад стало приемлемым. Как отмечают Н.Г. Московцев и С.М. Шевченко [2009, 5-6], речь на грани и чуть за гранью приличий зрителей привлекала всегда. Указанные авторы [2009, 26] обращают внимание на то, что, не понимая сленговых слов и «не зная об уместности употребления, <...> невозможно понимание большинства шуток».

Номинация «анекдот» заимствована в XVIII

* © Кудинова Т. А.

в. из французского языка. Французское *anecdote* восходит к греческому *ἀνέκδοτα* 'неопубликованный', а потому новый и интересный. «Anekdoty» назывался направленный против Юстиниана тайный исторический труд Прокопия, содержащий детальное описание обычаев того времени и обнародованный после смерти императора. По названию этого произведения стали называть начиная с XVIII в. издаваемые сборники ранее не опубликованных произведений, а позднее – короткие, развлекательные, юмористические истории, которые давали характеристику той или иной личности или событиям (не являясь при этом правдивыми).

Большинство современных толковых словарей русского языка выделяют два значения у слова «анекдот»: 1) короткий устный рассказ с неожиданной остроумной концовкой и 2) происшествие, событие необычного характера.

Анекдот как жанр утвердился в России к концу XVIII века. Не без влияния европейской (в основном французской традиции) он, впитав национальный опыт, стал ориентироваться на светскую культуру общения. Расцвет жанра пришелся на пушкинскую эпоху, когда окончательно сложились его внутренние законы, репертуар, традиции, круг рассказчиков [Дмитриев А.В., Сычев А.А. 2005, 254]. Анекдот в России XIX в. – это «салонный жанр», а народ, как правило, создавал свои комические повествования, сюжеты которых тесно переплетались с фольклором. Но в общем процессе демократизации и снижения элитарной культуры старей, европейский по своему происхождению, изысканный и шутливо-нравоучительный литературный анекдот популяризуется, становится массовым общенародным достоянием, претерпевая при этом существенное жанровое перерождение. Он становится преимущественно устным, стереотипным и лаконичным по форме, но более разнообразным по тематике. Можно сказать, что анекдот как жанр городской речи в русскую языковую культуру действительно пришел «сверху», из внешнего влияния классической европейской культуры, то есть его породила культурная элита [Бирюков Н.Г. 2005, 19-20].

Однако временем оформления и массового распространения анекдота в его новом понимании (как жанра городского фольклора и как произведения преимущественно устной речи) следует считать установление тоталитарного режима в Советском Союзе, послужившего сильнейшим стимулом, толчком для развития этого

уникального явления. На протяжении семидесяти лет существования тоталитарного государства анекдот был своего рода клапаном, который позволял хотя бы частично ослабить идеологический пресс, давал выход стихийному протесту народных масс. Анекдот не только свидетельствовал о противодействии официальной культуре, но и был индикатором роста напряженности в некоторых социальных группах.

Таким образом, в аксиологическом плане анекдот советской эпохи противостоял особому общественно-политическому дискурсу («деревянному» тоталитарному языку) и выступал как карикатура «новояза». Иначе говоря, анекдот советского времени «как бы исправляет мифологию власти» [Лендван Э. 2001, 17].

А.В. Дмитриев и А.А. Сычев [2005, 259] полагают, что выход из «подполья», столь важный для расширения известности анекдота, привел к его упадку. Г.Г. Хазагеров [2002, 211], напротив, считает, что постсоветская эпоха никак не отразилась на судьбе народного юмора. Новые явления жизни были осмеяны так же, как и старые. В современной России, очевидно, можно констатировать моду на юмор вообще и на анекдот в частности, который представляет собой сюжетно организованное речевое произведение, рассказ малого объема с игровой иллокутивной функцией [Доронина С.В. 2000, 4]. Э. Лендван [2001, 7] полагает, что анекдот – это уникальный жанр с подвижной многоярусной системой. Ведущий содержательный мотив анекдота – пародия, в этом его основная жанровая функция: пародирование официальной культуры во всех ее проявлениях, в том числе и языковой. К примеру, «Здравствуйте, я мать Сидорова Вовы. Вы меня вызывали?» – «Здравствуйте, любезнейшая Ольга Петровна, присаживайтесь, милости прошу. Ваш сын в последнее время, как бы это поточнее выразиться, какой-то **лоханутый** стал, **тормозной**. На уроках за **базар** не отвечает, гонит что-то, исполняет иногда, а временами вообще ни о чем, вы извините меня ради бога!»

Экспансия криминального жаргона, а также (имплицитно!) социальные причины, вызвавшие этот процесс, прекрасно отражены в известном монологе М. Жванецкого «Ну клянусь, жить стало лучше!»).

– Жизнь стала гораздо лучше ...

– И разрыв между богатыми и бедными уже так сократился...

– Ну нет его... Слились!

– Вот правду говорю...

– Вот у кого хочешь спроси.

– У **пацана** моего, у **Сергеи-братана** обо мне спроси: «**Циферблат**» врал когда-нибудь? А кому-нибудь? Ну, кому-нибудь ладно. А вообще никогда!

– Все, **пацаны!**

– И общий уровень жизни, и валовой продукт, и реформа ЖКХ, и всеобщий **профицит**, и непрерывный подъем уровня жизни. И производство растет...

– Как из пушки вверх...

– Какая статистика?

– Я – мэр...

– Мэр сказал: «клянусь мамой» – умри! Грудь себе разорви! Я твой мэр от звонка до звонка. Три срока отсижу!

Часто события, происходящие в современном городском анекдоте, оказываются не просто вымышленными, фантастическими, а преднамеренно смеховыми, ироническими, шутливыми или насмешливыми имитациями самых разных, практически любых реалий общественной жизни. Этим анекдот как жанр устной речи и как фольклорное произведение отличается от литературного анекдота, фиксировавшего в письменных текстах реальные комические события поучительного и назидательного характера. В современном городском анекдоте совершенно иная коммуникативная установка: любые события, любые реалии общественной или частной жизни подаются в заведомо «перевернутом», пародийном ракурсе шутливого общественного вызова, антикультурной провокации. Пародийность как ключевой содержательный стереотип анекдота определяет все остальные его жанровые признаки, обеспечивающие комический эффект пародии. Ср.:

На стадионе болеет пацан. «ЦСКА, сделай Динаму! ЦСКА, сделай Динаму!» Рядом сидит старичок. Этот старичок говорит пацану: «Молодой человек, Динамо не склоняется!» А тот ему отвечает: «Перед ЦСКОЙ все склоняются!»

Применительно к анекдоту нередко употребляется терминологическое сочетание «речевой жанр», введенное в научный обиход М.М. Бахтиным [1986, 250-296]. Набор речевых жанров, выделенных сознанием носителей данного языка, может не совпадать с набором жанров, сформировавшихся в иной лингвокультуре (ср. специфику так называемых «советских» речевых жанров типа «анонимка», «донос»). «Отнесенность конкретной речевой деятельности к тому или ино-

му речевому жанру определяется способностью носителей языка идентифицировать и назвать его как таковой», – отмечают Т.Я. Шмелева и А.Д. Шмелев [2002, 18]. Определяя русский анекдот как речевой жанр, указанные авторы отмечают, однако, что недостатком термина «речевой жанр» является возможность его смешения с термином «жанр», используемым в литературоведении [Шмелева Т.Я., Шмелев А.Д. 2002, 17]. К жанровым особенностям анекдота относят такие его свойства, как воспроизводимость с элементами варьирования, принципиальное отсутствие авторства, «изобразительность» анекдота (рассказывание «в лицах», использование паралингвистических средств и под.), интертекстуальные связи с другими анекдотами и стереотипами анекдотического пространства.

В описании анекдота современная лингвистика использует категории когнитивной семантики: фрейм – ментально-языковая структура, фиксирующая стереотипные ситуации, скрипт – культурно обусловленный набор информации, вызываемый словом в сознании коммуниканта, и сценарий – ключевые слова текста, описывающие последовательность стереотипного речевого акта. Фреймы обладают конвенциональной природой и потому фиксируют, что в данной культуре характерно, а что – нет. В эпизодах социального взаимодействия фреймы регулируют ежедневное поведение человека, «подсказывая» стандартные, стереотипные способы действия и коммуникации. «Понятие фрейма часто применяют к ситуациям, характеризующимся стереотипным набором действующих лиц и известной последовательностью событий. В этом значении используются также и понятие сценария» [Иссерс О.С. 2003, 89].

Для анализа дискурса анекдота актуально также понятие интерактивного фрейма, которое включает «коммуникативные ожидания» общающихся. Задача семантики фреймов в исследовании коммуникации вообще состоит в выявлении интерактивных фреймов, определяющих структуру «коммуникативных ожиданий» участников ситуации общения, и факторов, определяющих условия активизации того или иного фрейма; задача анализа анекдотного дискурса – в выявлении конфликта между ситуацией общения, соответствующими коммуникативными ожиданиями и речевыми действиями персонажей анекдота.

Интересно заметить, что субстандарт в жанре современного анекдота является чуть ли не обязательным средством. Анекдот есть реализа-

ция такого важнейшего концепта культуры, как комическое. Кстати, одно из первых определенных комического, принадлежащее Аристотелю, напрямую отсылает к субстандарту: «...ошибка или уродство, но безболезненное и безвредное» [Аристотель 2000, 132]. В дальнейшем это определение нередко лишь конкретизировалось, например, в качестве основной характеристики комического называлось «отклонение от нормы». И в этом отношении субстандарт как прямое отступление от системной нормы используется для воссоздания неправильной речи, рождающей комическое впечатление. Так, анекдот с персонажем-грузином нередко строится на обыгрывании, с одной стороны, грамматической ошибки, связанной с категорией рода, с другой – фонетической (отсутствие позиционных смягчений и отвердений согласных):

*В грузинской школе. Учитель спрашивает: «Как называется **балишой** полосатый мух?» – «**Ос!**» – отвечают дети. «**Нэправилна**, – говорит учитель, – **балишой** полосатых мух – это **имэл**, а **ос** – это палка вокруг которой вертится земля».*

Е.Я. Шмелева и А.Д. Шмелев [1999, 351-352] разграничивают три языковых слоя в анекдоте: 1) «метатекстовые» вводы; 2) речь персонажей; 3) текст «от автора», – которые работают на прагматику текста. Прагматические особенности анекдота как жанра и как текста определяются особенностями его функционирования. В.М. Иванов [1999, 12] считает, что центральной прагматической категорией анекдота является категория уместности, так как именно уместность воспроизведения анекдота во многом определяет, добьется ли говорящий желаемого эффекта, то есть будут ли его слушатели смеяться, оценят ли они по достоинству юмор, заложенный в анекдоте, а также мастерство рассказчика. Ср.:

*Разговаривают двое приятелей. «Ну всё, жизнь удалась, можно сказать: дом я построил, сына вырастил». – «А как насчёт дерева?» – «А вот с **деревом** я разведусь» (здесь: *дерево* – «Мол. Пренебр. Недалёкий, глупый провинциал» [БСРЖ 2000, 154]).*

Юмор часто строится на парадоксальном сочетании возвышенного и низкого. К примеру, в анекдоте из монографии А.В. Дмитриева и А.А. Сычева «Смех. Социофилософский анализ» [2005, 421] используется соседство многозначного слова *чурка* («1. Жрр. Пренебр. Глупый, недалёкий или умственно отсталый человек. 2. Жрр. Пренебр. Азиат; кавказец // Арм. Пренебр.

Военнослужащий из бывших среднеазиатских республик» [БСРЖ 2000, 678]) и молодежной лексемы *трахнутый* («Мол. Одержимый чем-л., фанатичный» [там же, 596]), причём для говорящего субстандартное существительное *чурка* с употреблённым определением имеет как бы позитивную оценку. Именно это прилагательное характеризует его на фоне других военнослужащих среднеазиатских республик как индивидуальность. Вообще для любого человека свойственно не говорить о себе уничижительно, и благодаря субстандарту можно «угодить на всех», т.е. слушающий воспринимает в силу своего IQ: *Дежурный по части говорит дневному: «Ты кто такой?» – «Рядовой Салямбеков!» – «А кто ты в данный момент?» – «Рядовой Салямбеков!» – «Сержант Пилипенко, объясните Салямбекову, кто он есть на данный момент и каковы его обязанности!» Через полчаса: «Ну, так кто ты есть на данный момент?» – «**Чурка трахнутый, товарищ майор**» [цит. по: Дмитриев А.В., Сычев А.А. 2005, 421].*

Исследователи отмечают, что юмор присущ эстетически развитому уму, способному быстро, эмоционально-критически оценивать сущность явления, склонному к богатым и неожиданным сопоставлениям и ассоциациям [Борев Ю. 1988, 85-86]. И в филогенезе, и в онтогенезе смех появляется раньше юмора. Но юмору необходим смех. Первичная функция комического именно в том и состоит, чтобы смешить. «Юмор выступает как общественно-санкционированный смехопорождающий механизм, реализующийся через знаковые системы» [Банников К.Л. 2002, 176].

Есть целые серии анекдотов (например, о поручике Ржевском), где субстандартная лексика оказывается основой комического. Впрочем, и анекдоты других серий нередко используют эти единицы в качестве дискурсивного средства. Кстати, в анекдотах «про Вовочку» инвективная лексика представляет собой рентгеновский снимок, отображающий мир взрослых, их низкий уровень культуры, в том числе и семейную языковую практику. Ср. анекдот: *Вовочка приходит в школу с толстой книгой под мышкой и недовольно говорит учительнице:*

– Мариванна! Вот вы постоянно твердите мне, что необходимо больше читать и обогащать свой словарный запас. А я вот только что прочитал целый словарь от корки до корки и не обнаружил там ни единого слова, которого бы не знал!

– А что за словарь ты читал, Вовочка? Мо-

жет быть, какой-нибудь маленький и краткий?

– Обижаете, Мариванна. Издательство Академии наук, “Большой словарь русского мата”!

Главным «анекдотообразующим» средством может быть столкновение общего и жаргонного значений слова:

После просмотра патристического фильма учитель спрашивает у детей, кому кто понравился. Одному понравился подвиг солдата, другому – как санитарка раненого спасла. А Вовочка говорит:

– А мне больше всего понравился наркоман.

– Какой такой наркоман. Там не было наркоманов.

– Был, он все время затягивался и говорил: “Хороший у вас **план**, товарищ Жуков”.

Анекдот может строиться на прояснении значения жаргонизмов:

– Скажи, а что такое **гламурная тусовка**?

– Ну, это когда много-много людей. Рубашки у всех мятые, джинсы порваны и на голове все так: в разные стороны...

– Я же говорил, что мы вчера на **гламурной тусовке** были, а ты – «вытрезвитель, вытрезвитель»!

Ср. анекдот, все предикаты которого жаргонного происхождения, а потому немислим в «литературном» исполнении: <...> **начали травить анекдоты про наркоманов. А «на хи-хи пробил» всех Пинскер, вспомнив про то, как девочка Оля использовала первый лепесток цветика-семицветика на то, чтобы ее «колбасило», второй – на то, чтобы ее «перестало колбасить», третий – на то, чтобы ее «плющило», четвертый – на то, чтобы «перестало плющить», пятый – на то, чтобы «торкало», шестой – на то, чтобы «перестало торкать». А потом увидела мальчика Витю на костылях и думает: «Ой, какая же я эгоистка! Все шесть лепестков на собственный **кайф** истратила! Ну, ничего, у меня еще последний лепесток остался, сейчас я все исправлю: «Хочу, чтобы мальчика Витю **КОЛБАСИЛО!!!**» [Трегубова Е. Байки кремлевского диггера, 351].**

В этом примере интересен также момент образования прецедентности на базе анекдотного дискурса. Ср. афоризм М. Задорнова: *Менталитет нации познается по ее ментам* [Задорнов М. Язычник эры Водолея 2008, 211], а также анекдотное осмысление роли частотных жаргонно-просторечных вставок: *Правило из учебника по новому русскому языку для пятого класса:*

«Слово «чисто» является вводным и выделяется запятыми в тех случаях, когда его можно заменить на сочетание «**в натуре**»; «Новый англо-русский словарь: неопределенный артикль **a** переводится на русский как **типа**, а определенный артикль **the** – конкретно или **чисто**».

Наконец, жаргонизмы могут, не будучи собственно «анекдотообразующим» средством, использоваться в дискурсе анекдота для создания колорита и речевой характеристики участников диалога: *Жена – мужу:*

– Сегодня иду с девчонками на дискотеку, будем **колбаситься** до утра!

– Да куда ты не пойдешь!

– Я не пойду? Да что мне может помешать?

– Ну, например, **фингал** под глазом.

Анекдоты о новых русских коррелируют с существующими у разных народов историями о «новых богатых» или «новых глупцах». «Новые русские» в анекдотах постоянно не понимают обычных русских слов и конструкций...» [Шмелева Е.Н., Шмелев А.Д. 2002, 65-69]. Их речь изобилует жаргонизмами, в том числе английского происхождения. Ср.:

Новый русский звонит в театр:

– «Добрый день, мне тут **братки** сказали, что у вас пьеска **забойная** есть. Мне два билета в **натуре**.

– «Вам на «Ромео и Джульетту»?

– «**Мне на меня и мою герлу**» [цит. по: Шмелева Е.Н., Шмелев А.Д. 2002, 71].

Анализируя анекдот как важнейший концепт культуры, следует отметить, что комическое чаще всего репрезентируется с помощью субстандарта, причём содержание текстов свидетельствует об органичном его присутствии в речи персонажей. Таким образом, субстандартная лексика играет важную (иногда – ведущую, текстообразующую) роль в юмористическом дискурсе вообще и в дискурсе современного анекдота в частности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель. Риторика. Поэтика / Аристотель. – СПб: Азбука, 2000. – 347 с.
2. Банников К.Л. Смех и юмор в экстремальных группах (на примере некоторых аспектов доминантных отношений в современной Российской Армии) / К.Л. Банников // Смех: истоки и функции. – СПб: Наука, 2002. – С. 174-186.
3. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 250-296.
4. Бирюков Н.Г. Феномен русского грамматического анекдота: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Г. Бирюков. – Ростов н/Д., 2005. – 25 с.

5. Боров Ю. Эстетика / Ю. Боров. Изд-е 4. – М.: Изд-во политической литературы, 1988. – 495 с.
6. Дмитриев А.В., Сычев А.А. Смех. Социофилософский анализ / А.В. Дмитриев, А.А. Сычев. – М.: Альфа-М, 2005. – 592 с.
7. Доронина С.В. Содержание и внутренняя форма русских игровых текстов: когнитивно-деятельностный аспект (на материале анекдотов и речевых шуток): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2000. – 22 с.
8. Задорнов М. Язычник эры Водолея / М. Задорнов. – М.: АСТ.: Астрель, 2008. – 255 с.
9. Иванов В.М. Явление эквивокации в дискурсе анекдота в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.М. Иванов. – Иркутск, 1999. – 18 с.
10. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / О.С. Иссерс. – Екатеринбург, 1999. – 29 с.
11. Лендван Э. Прагмалингвистические механизмы современного русского анекдота: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Э. Лендван. – М., 2001. – 46 с.
12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона / В.М. Мокиенко, В.М. Никитина. – СПб.: «Норинт», 2000. – 717 с. (БСЖ).
13. Московцев Н.Г., Шевченко С.М. Вашу мать, сэр! Иллюстрированный словарь-путеводитель по американскому сленгу. 2 – изд., доп. и пер. / Н.Г. Московцев, С.М. Шевченко. – СПб.: Питер, 2009. – 544 с.
14. Трегубова Л. Байки кремлевского диггера / Л. Трегубова. – М.: Ад Маргинем, 2003. – 382 с.
15. Хазагеров Г.Г. Политическая риторика / Г.Г. Хазагеров. – М.: Николо-Медиа, 2002. – 313 с.
16. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы вариантности / Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев // Жанры речи. Сборник научных статей. – Саратов: Колледж, 1999. – С. 133-145.
17. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 143 с.

УДК 801.7

Михайловская К.В.
Московский государственный
областной университет

КАТЕГОРИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ*

Аннотация. В статье анализируется идеологический компонент газетных сообщений и особенности его воздействия на читателя. В работе описаны методы текстовой обработки, применяемые при исследовании идеологического компонента общественно-политических текстов. Статья рассматривает основные источники формирования массового сознания и то, как язык СМИ помогает своей аудитории определить политические и культурные предпочтения.

Ключевые слова: идеология, массовое сознание, социальный класс, модальность, дискурсивный анализ, общественно-политический текст.

К. Mikhailovskaya

Moscow State Regional University

THE CATEGORY OF IDEOLOGICAL MODALITY AND PECULIARITIES OF ITS REALIZATION IN POLITICAL TEXTS

Abstract. The following article analyzes the ideological component of newspaper texts and some peculiarities of its influence on the reader. The work describes the methods of text processing applied at research of the ideological component in socio - po-

litical texts. The article considers the basic sources of formation of mass consciousness and the way the language of mass-media helps the audience to define it's political and cultural preferences.

Key words: ideology, mass consciousness, social class, modality, discourse analysis, political (общественно-политический текст).

При исследовании языка общественно-политических текстов необходимо, прежде всего, изучить их свойства, стилистику и все прочие факторы, оказывающие воздействие на массовое сознание. Данное исследование в рамках медиалингвистики даёт возможность рассмотреть тексты СМИ, выявить их свойства и способы воздействия на читателя.

Для более детального рассмотрения идеологически направленного текста массовой информации используются следующие методы текстовой обработки: 1) *метод дискурсивного анализа (discourse analysis)*, цель которого – выявление и объяснение связи власти, политики и языка, 2) *метод критической лингвистики (critical linguistics)* или *риторической критики*, цель которого – выявление идеологических ком-

* © Михайловская К.В.